

Я вспомнил о шоу в Аризоне, когда уже третий день к ряду нюхал кокаин с наркодельцом Марио, мексиканцем. К этому времени у моей группы, Red Hot Chili Peppers, вышел один альбом, и нам нужно было ехать в Мичиган для записи следующего, но перед этим наш менеджер, Линди, организовал нам выступление в клубе ресторана, специализирующегося на мясных блюдах, в Аризоне. Промоутер был нашим поклонником и был готов заплатить больше, чем мы стоили на самом деле, а мы очень нуждались в деньгах, поэтому быстро согласились.

Я чувствовал себя развалиной. Как и всегда, когда мы зависали с Марио. Он был удивительным персонажем. Стройный, жилистый и хитрый мексиканец выглядел чуть усовершенствованной версией Ганди. Он носил большие очки и поэтому не казался ни ужасным, ни внушительным. Но всякий раз, нюхнув кокаина или героина, он начинал свою исповедь: «Пришлось кое с кем разобраться. Я настоящий вышибала у мексиканской мафии. Я получаю задание и даже не хочу знать подробностей. Я просто делаю свою работу, заставляю людей платить». Не знаю, было ли хоть что-то из его слов правдой.

Марио жил в старом восьмизэтажном кирпичном доме в центре, в убогой квартирке вместе со старухой-матерью, которая вечно сидела в углу крошечной гостиной и смотрела мексиканские мыльные оперы. Время от времени слышались перебранки на испанском, и я спрашивал Марио, можно ли принять дозу прямо здесь – на кухонном столе были навалены шприцы, упаковки таблеток, порошка, ложки, жгуты... «Не волнуйся. Она не видит и не слышит, она не знает, чем мы занимаемся», - уверял он меня. И так я колол себе амфетамины, а бабуля сидела в соседней комнате.

На самом деле Марио не был мелким наркоторговцем – он был связан с оптовиками, так что можно было хорошенько подзаработать, но приходилось делиться с ним. Этим мы и занимались на его кухоньке. Брат Марио, который только что вышел из тюрьмы, сидел на полу, вскрикивая каждый раз, когда не мог найти «рабочей» вены на ноге. Тогда я впервые видел человека, который был вынужден колоть наркотики себе в ногу, потому что на руках уже не было живого места.

Так проходили дни, иногда мы были вынуждены попрошайничать, чтобы достать денег на кокаин. Было 4:30 утра, когда я осознал, что сегодня вечером у нас концерт. «Надо бы купить наркоты, сегодня мне нужно ехать в Аризону, а я себя отвратно чувствую», - подумал я.

Мы с Марио залезли в мой убогий зеленый Студебеккер и отправились в самую дальнюю, жуткую и темную часть гетто в даунтауне, на улицу, где можно оказаться только в самом страшном ночном кошмаре; зато цены там были самые низкие. Мы припарковали машину, прошли несколько кварталов пешком и оказались у полуразвалившегося старого здания.

«Доверься мне, тебе не нужно заходить внутрь, - сказал мне Марио. – Там может произойти все, что угодно, но уж точно не что-то хорошее. Просто отдай мне деньги, и я достану дозу».

Какая-то часть меня говорила: «Боже, я не хочу, чтобы меня тут же обокрали. Раньше мы так не делали, не очень-то я ему доверяю». Но другая, большая часть меня просто хотела героина, поэтому я отдал ему последние 40 долларов, и он скрылся в здании.

Я так долго употреблял кокаин, что постоянно галлюцинировал, находясь в странном состоянии между сном и реальностью. Я мог думать только о том, что вот-вот Марио выйдет из здания с так необходимой мне дозой. Я снял свою старомодную

кожаную куртку – самое дорогое, что у меня было. Несколькими годами раньше мы с Фли спустили все наши деньги, купив такие куртки. Она была мне как дом. В ней лежали мои деньги, мои ключи и, в маленьком внутреннем кармашке, мои шприцы.

Я был очень слаб, меня знобило. Я сел на тротуар и накрылся курткой, как одеялом.

«Давай, Марио, давай, выходи же», - повторял я свою мантру. Я представлял себе, как он выходит из здания, сначала устало спотыкаясь, а потом бодро шагая, присвистывая, «давай-ка, парень, пойдём кольнемся».

Я на какой-то миг закрыл глаза и вдруг почувствовал, что ко мне кто-то приближается. Я посмотрел через плечо: огромный, неповоротливый, грязный мексиканский индеец надвигается на меня с гигантскими ножницами в руках, которыми можно с легкостью отрубить голову. Он уже замахнулся на меня, но я нагнулся вперед и увернулся от удара. В этот же момент второй мексиканский ублюдок, тощий и изворотливый, появился передо мной, держа в руках большой выкидной нож.

Я незамедлительно принял решение, что никак нельзя позволить первому громиле ударить меня в спину, уж лучше попробовать разобраться с пугалом, что передо мной. Это все происходило очень быстро, но когда сталкиваешься со смертью лицом к лицу, вселенная будто замедляет время для тебя, давая шанс. Я вскочил на ноги и, держа куртку впереди себя, набросился на тощего мексиканца. Куртка смягчила удар ножа, и, бросив ее, я побежал прочь так быстро, как только мог.

Я бежал и бежал, не останавливаясь, пока не добежал до своей машины, но тут я понял, что у меня нет ключей. Нет ни ключей, ни куртки, ни денег, ни шприцов, ни, что самое страшное, наркотиков. Да и Марио не стал бы меня разыскивать. Я дошел пешком до его дома – ничего. Уже совсем рассвело, мы должны были отправляться в Аризону через час. Я зашел в телефонную будку, наскреб мелочи и позвонил Линди.

«Линди, я на пересечении Седьмой и Альварадо, я долго не спал, моя машина здесь, но у меня нет ключей. Сможете подобрать меня по дороге в Аризону?»

Он привык к подобным моим звонкам, и часом позже наш синий фургон остановился на углу, загруженный нашим оборудованием и остальными участниками группы. И грязный, в лохмотьях, угнетенный пассажир забрался внутрь. Я сразу заметил, что парни начали сторониться меня, и просто лег на пол фургона, положил голову между передними сиденьями и отключился. Через несколько часов я проснулся весь в поту, потому что, как оказалось, я лежал прямо над мотором. Но я чувствовал себя потрясающе. Мы с Фли поделили между собой таблетку LSD и отыграли концерт на ура.

Большинство людей рассматривают зачатие как чисто биологический процесс. Но мне кажется, что родителей выбирают высшие силы, в зависимости от определенных черт характера, которыми обладают эти потенциальные родители, и которые должны будут сочетаться в их будущем ребенке. И так, за 23 года до того, как я ждал синего фургона на углу Седьмой и Альварадо, я узнал Джона Майкла Кидиса и Пегги Нобел – двоих прекрасных и беспокойных людей, которые лучше всех подходили на роль моих родителей. Эксцентричность, творческая жилка и нигилистическое отношение к жизни моего отца и любовь, теплота и трудолюбие моей матери – вот те качества, которые были для меня оптимальным вариантом. Как бы то ни было, по моей воле или нет, я был зачат 3-го февраля 1962 года, ужасно холодной и снежной ночью, в маленьком домике на вершине холма в Гранд Рапидс, штат Мичиган.

Мои родители были бунтовщиками, каждый по-своему. Семья отца перебралась в Мичиган из Литвы в начале 1900-х. Антон Кидис, мой прадед, был невысоким, коренастым, неприветливым человеком и держал свое семейство в ежовых рукавицах. В 1914 родился мой дед, Джон Алден Кидис, последний из пяти детей. Семья переехала в Гранд Рапидс; там Джон поступил в старшую школу и учился очень хорошо. Подростком он писал рассказы и выступал на эстраде в стиле Бинга Кросби. Жить и воспитываться в

семействе Кидисов означало никакой выпивки, сигарет и ругани. Но у Джона никогда не возникали проблемы с соблюдением этого строгого образа жизни.

Затем он встретил прекрасную женщину по имени Молли Ванденвин, в роду которой сочетались англичане, ирландцы, французы и голландцы (а как мы недавно выяснили, и индейцы племени могижан, что объясняет мою тягу к индейской культуре). Мой отец, Джон Майкл Кидис, родился в Гранд Рапидс в 1939. Четыре года спустя его родители развелись, и он остался жить с отцом, который в то время работал на заводе, производящем танки для военно-промышленного комплекса.

Через несколько лет дед снова женился, и жизнь моего отца и его сестры заметно улучшилась. Но он больше не мог выносить тирании Джона Алдена. Ему приходилось работать в семейном бизнесе (автозаправка и примыкающая к ней забегаловка), он не мог проводить время с друзьями, гулять допоздна и даже думать о курении. В довершение всего, его мачеха, Эйлин, была яркой христианкой голландской реформистской церкви и заставляла его ходить в церковь пять раз в течение рабочей недели и три раза в воскресенье. Это вызывало отвращение к религии.

Когда отцу было 14, он сбежал из дома, сел на автобус до Милуоки и большую часть времени провел там в кинотеатрах, куда пробирался тайком, и на пивоваренных заводах, таская пиво. Через некоторое время он вернулся в Гранд Рапидс и поступил в старшую школу, где познакомился со Скоттом Сэн-Джоном, привлекательным распутным парнем, который, в свою очередь, познакомил его с миром преступности. Я никогда не любил слушать рассказы отца об их похождениях, потому что они всегда заканчивались позором. Однажды они со Скоттом пошли на ближайший пляж, разделлись до трусов, чтобы смешаться с отдыхающими, и украли чей-то бумажник. Но кто-то их все-таки заметил, тут же появилась полиция. Все лето они провели в тюрьме.

В то время как Джек, как тогда называли моего отца, и Скотт держали в страхе Гранд Рапидс и всю округу, Пегги Нобел вела жизнь, которая, казалось, соответствовала всем нормам морали и приличия. Самая младшая из пяти детей, моя мама была воплощением среднестатистической девушки-мечты – миниатюрной, чертовски симпатичной брюнеткой. У нее были очень близкие отношения с отцом, который работал на Michigan Bell. Она часто говорила, каким добрым, любящим и веселым человеком он был. С матерью она была не так близка. Эта женщина, хоть и была умна и независима, но, следуя устоям того времени, предпочла работу секретарем учебе в колледже, и это, возможно, сделало ее жестче и резче. Так, будучи вечным блюстителем дисциплины в семье, она часто устраивала скандалы моей маме, которая все чаще и чаще отвечала агрессией на агрессию. Она была увлечена черной музыкой, слушая Джеймса Брауна и Motown. Еще она была увлечена лучшим спортсменом их школы, который учился с ней в одном классе и тоже оказался черным – эдакий запретный плод для среднего запада 1958 года.

А вот и Джек Кидис, только что вернувшийся в Гранд Рапидс, отмотав срок в тюрьме штата Огайо за ограбление. Закадычный друг Скотт арестован за грабеж в Кент Каунти, так что мой отец остался в одиночестве. В мае 1960 года на одной из вечеринок в Гранд Рапидс он мельком увидел маленького темноволосого ангелочка в мокасинах с белой бахромой. Пораженный, он проталкивался через толпу к тому месту, где увидел это чудное создание, но девушки и след простыл. Остаток вечера он провел в ее поисках, но узнал лишь имя. Через несколько дней Джек появился на пороге ее дома, в спортивной куртке, отглаженных джинсах и с букетом цветов. Она согласилась сходить с ним в кино. Два месяца спустя, получив разрешение родителей, семнадцатилетняя Пегги вышла замуж за Джека, которому было тогда двадцать, за день до тридцатипятой годовщины свадьбы своих родителей. Скотт Сэн-Джон был шафером. Через шесть недель умер от осложнений диабета отец Пегги. А еще через несколько недель мой отец начал изменять моей матери.

К концу года Джек каким-то образом уговорил Пегги дать ему ее новенький синий Austin Healy и со своим другом Джоном Ризером отправился в Голливуд. Ризер хотел познакомиться с Аннет Фуничелло, мой отец – стать телезвездой. Но больше всего он

хотел не быть привязанным к моей матери. После нескольких месяцев неудач дружба обосновались в Сан-Диего, но тут до Джека дошли слухи, что Пегги встречается с каким-то мужчиной из Гранд Рапидс, у которого есть обезьяна. Бешено ревнуя, он несется домой на скорости 100 миль в час, не останавливаясь, и остается жить с моей матерью, которая была всего лишь в дружеских отношениях с владельцем примата. Через пару недель Джек осознал, что совершил ошибку и снова укатил в Калифорнию. Весь следующий год мои родители то были вместе, то расходились, то жили в Калифорнии, то в Мичигане. Очередное примирение привело к нелегкому переезду на автобусе из солнечной Калифорнии в заснеженный Мичиган. На следующий день я был зачат.

Я родился в больнице Святой Марии в Гранд Рапидс, в пять часов утра 1-го ноября 1962 года, весом семь с половиной фунтов (~3,4 кг) и ростом 21 дюйм (~53 см). Я родился почти на Хэллоуин, но 1-е ноября мне нравится больше. В нумерологии единица – очень сильное число, а иметь три единицы подряд в дате рождения – довольно неплохое начало. Мама хотела назвать меня в честь отца, тогда получилось бы Джон Кидис Третий, а отец склонялся к Кларку Гейблу Кидису или Карэджу (*“courage” – храбрость*) Кидису. В конце концов они остановились на Энтони Кидисе, в честь моего прадедушки. Но для начала я был просто Тони.

Из больницы меня перевезли в загородный дом, который нам выделили власти, где я и остался жить с мамой, папой и собакой по кличке Панзер. Прошло всего лишь несколько недель, и в моем отце вновь проснулась тяга к путешествиям. Его раздражало это сидение на одном месте. В январе 1963 мой дед Джон Кидис решил переехать всей семьей в места с более теплым климатом, а именно в Палм-Бич во Флориде. Он продал свой бизнес, посадил свою жену, шестерых детей, а также мою маму и меня в машину. Я ничего не помню из жизни во Флориде, но мама говорит, что жилось нам хорошо, как только удалось вырваться из-под жестокого ига семьи Кидисов. Проработав какое-то время на заводе Лондромет (*марка автоматических стиральных машин*) и скопив денег, она нашла небольшую квартиру над магазином спиртных напитков на западе Палм-Бич, и мы переехали туда. Когда она получила счет за аренду за два месяца от Дедушки Кидиса, она вежливо написала ему: «Я переслала счет вашему сыну. Надеюсь, скоро он даст вам о себе знать». К этому времени мама уже работала в Ханиуэлл (*компания по производству авиационной техники и электронного оборудования, а также приборов управления, промышленного оборудования*), получая 65 долларов в неделю, чего было вполне достаточно, чтобы оплатить аренду нашей квартиры. Еще 10 долларов в неделю уходило на няню для меня. По словам мамы, я был очень счастливым ребенком.

В это время мой отец сидел один в нашем загородном доме. По стечению обстоятельств, одного из его друзей бросила жена, и приятели решили поехать в Европу. Отец оставил дом, машину в гараже, упаковал свои клюшки для гольфа, печатную машинку и остальные скромные пожитки и отправился во Францию. После потрясающего пятидневного путешествия, включавшего соблазнение молодой француженки, которая была еще и женой полицейского из Джерси, мой отец и его друг Том остановились в Париже. К тому времени Джек отрастил длинные волосы и был похож на битников Левобережья. В Париже они провели несколько замечательных месяцев, писали стихи, пили вино в наполненных сигаретным дымом кафе, пока не закончились деньги. Автостопом они добрались до Германии, где поступили на службу в армию, чтобы попасть в Штаты вместе с войсками.

С другими солдатами они набились в корабль, как селедки в бочку, страдали от качки, морской болезни и периодически слышали крики в свой адрес, вроде «Эй, ради всего святого, подстригитесь!» Это путешествие было самым ужасным моментом в жизни моего отца. Каким-то образом ему удалось уговорить мою мать вернуться к нему. После трагической смерти ее матери в автокатастрофе, мы переехали в Мичиган. Это был конец 1963 года. Теперь мой отец твердо намеревался следовать примеру своего друга Джона

Ризера: поступить в колледж, получить стипендию в университете, а затем и хорошую работу, чтобы содержать семью.

Следующие два года он только этим и занимался. Он закончил колледж и был принят в несколько университетов, но из всех выбрал UCLA (*University of California at Los Angeles - Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе*), чтобы попасть в кинематограф, и осуществить свою мечту – жить в Лос-Анджелесе. В июле 1965, когда мне было 3 года, мы переехали в Калифорнию. Я смутно помню нашу первую квартиру, но в этом же году родители снова расстались – и снова из-за другой женщины. Мы с мамой поселились в квартире на Огайо Стрит, она начала работать секретаршей в какой-то юридической фирме. Надо заметить, что хоть она и вела правильный образ жизни, в душе моя мама была хиппи. Я хорошо помню, как по воскресеньям она брала меня с собой в Гриффит Парк, на мероприятия, носившие название Love-Ins. Покрытые зеленью склоны холмов пестрели группками людей, которые устраивали пикники, плели феньки и танцевали. Все выглядело очень празднично.

Раз в несколько недель мои спокойные дни нарушались приездом отца. Мы ходили на пляж, забирались на камни, торчащие из воды, и ловили крабов, которые цеплялись за расческу отца, которую он всегда носил в кармане. Мы ловили и морских звезд. Я приносил их домой и сажал в ведро с водой, но они быстро умирали и вонь распространялась по всей квартире.

Мы процветали в Калифорнии каждый по-своему. Особенно мой отец. Он находился в явном творческом подъеме и снимал меня в качестве главного героя своих университетских короткометражек. Его фильмы постоянно выигрывали конкурсы: видимо, будучи моим отцом, он как-то по-особенному меня снимал. Первый фильм, «Путешествие мальчика», показывал парнишку двух с половиной лет, едущего на трехколесном велосипеде, затем он падал – это было снято в замедленном движении – и находил долларовую купюру. Вторую часть фильма я сходил с ума в центре ЛА: ходил в кино, покупал комиксы, катался на автобусах, общался с людьми, - и все это благодаря тому доллару. А в конце фильма оказывается, что все это мои фантазии – я кладу доллар в карман и еду дальше.

Многообещающая режиссерская карьера отца закончилась в 1966, когда он познакомился с симпатичной официанткой придорожного ресторана, которая прирастила его к марихуане. Как-то раз, мне тогда было 4 года, мы с отцом прогуливались по Сансет Стрип, он курил травку, вдруг остановился и медленно выпустил дым мне в лицо. Мы прошли еще пару кварталов, я становился все более возбужденным. Потом я остановился и спросил: «Пап, это все мне снится?»

«Нет, ты не спишь», - сказал он.

«О'кей», - я вздрогнул и продолжил взбираться на столб светофора, как маленькая обезьянка, чувствуя себя в приподнятом состоянии.

Пристрастившись к травке, отец начал проводить много времени в ночных клубах, которые появлялись на Сансет Стрип, как грибы после дождя. Соответственно мы видели его все меньше и меньше. Каждое лето мы с мамой возвращались в Гранд Рапидс к родственникам. Бабушка Молли и ее муж Тед часто водили меня на пляж Гранд Хэвен. От этих прогулок я был в восторге. Летом 1967 в Гранд Хэвен мама случайно встретила Скотта Сэн-Джона. Некоторое время они провели вместе, и он уговорил ее переехать к нему в Мичиган. Это случилось в декабре 1967.

Сам факт переезда меня не сильно расстроил, в отличие от вторжения Скотта в нашу жизнь. Этот человек вызывал у меня исключительно отвращение – большой, грубый, мрачный и злой, с темными сальными волосами. Я знал, что он работал в баре и частенько участвовал в драках. Как-то утром я рано проснулся и пошел в комнату к маме, а на постели лежал он. Его лицо представляло собой ужасную картину: черные глаза, разбитый нос, рассеченная губа и многочисленные порезы. Кровь была повсюду. Мама прикладывала лед к одной половине лица, а со второй стирала кровь и говорила, что,

возможно, следует поехать в больницу. В ответ он злобно огрызнулся. Больно было видеть, как сильно мама любит этого человека. Я знал, что он друг кого-то из нашей семьи, но и представить не мог, что он друг моего отца.

У Скотта был буйный характер, и он легко выходил из себя. Впервые в жизни ко мне были применены физические наказания. Как-то раз я решил отрезать этикетку на моей любимой синей куртке, потому что она мне не нравилась. Я нашел ножницы и начал отрезать этикетку. Закончилось все тем, что я прорезал в куртке большую дырку. На следующий день Скотт обнаружил дырку, стянул с меня штаны и отшлепал меня тыльной стороной щетки для одежды.

Начались трудные времена. Мы жили в одном из самых бедных районов Гранд Рапидс, и я пошел в новую школу. Тогда меня перестала волновать учеба, я превратился в маленького хулигана. В возрасте пяти лет я ходил по школьному двору, страшно ругаясь, умещаая десятки матерных слов в одной фразе, пытаюсь этим поразить своих новых друзей. Однажды меня услышал учитель и вызвал в школу родителей. После этого во мне укрепилось мнение, что сильные мира сего настроены против меня.

Другим проявлением моей неуравновешенности стал случай со Slim Jim. Я гулял с другом, денег не было, поэтому в кондитерской я попытался украсть несколько конфет Slim Jim. Владелец магазина позвонил моей маме. Я не помню, как меня наказали, но мелкое воровство в магазинах было не самым подходящим поступком для шестилетнего мальчика в Гранд Рапидс.

В июне 1968 моя мама вышла замуж за Скотта Сэн-Джона. На свадьбе я должен был нести кольца, за это мне подарили сиреневый велосипед Stingray, что меня очень порадовало. Так что этот брак я приравнял к классному велосипеду с дополнительными колесами.

В этот период я почти не видел отца, потому что он уехал в Лондон и стал хиппи. Время от времени я получал посылки из Англии: футболки, бусы, браслеты... Он писал мне длинные письма, в которых рассказывал о Джимми Хендриксе и Led Zeppelin, и других группах, и английских девушках. Как будто он был в Диснейленде, а я – в богом забытом, занесенном снегом городке Нигдевилле, США. Я чувствовал, что где-то там творится настоящее волшебство, а мой отец – в самом его центре. Но я в какой-то степени наслаждался тем, что рос в более спокойной обстановке.

Тем летом я поехал на несколько недель в Калифорнию, чтобы повидаться с отцом, который вернулся из Англии. У него была квартира в Хилдэйле в Западном Голливуде, но большую часть времени мы проводили в Топанга-Каньоне, где у его девушки, Конни, был дом. Конни была фантастической женщиной с копной огненно-красных волос и белой кожей – она была действительно красивая, насколько можно было представить, и сумасшедшая, насколько можно было быть. Помимо Конни, остальные друзья отца представляли собой насквозь пропитанных наркотиками ковбоев-хиппи. Среди них был Дэвид Уивер, внушительных размеров человек, с незакрывающимся ртом, волосами до плеч, длинными, подкрученными вверх усами и типичным хипповым калифорнийским прикидом (но, само собой, не таким стильным, как у моего отца). Он был довольно вспыльчив и дрался как россомаха. Последним углом треугольника дружбы моего отца был Алан Башара, ветеран вьетнамской войны, который носил прическу под африканцев и большие, густые усы. Он совсем не был похож на эдакого мачо, крутого хиппи, скорее он походил на Джорджи Джессела, все время откалывающего шуточки. Такое сочетание: Дэвид, сильный, крепкий, задиристый парень; мой отец, творческий, умный, романтичный человек; и Алан, прирожденный комик, – было выгодно всем троим, и они никогда не испытывали недостатка ни в женщинах, ни в деньгах, ни в наркотиках, ни в развлечениях. 24 часа веселья в сутки.

Уивер и Башара жили в доме, недалеко от Конни, и наладили неплохой бизнес на продаже марихуаны в Топанга-Каньоне. Оказавшись там впервые, я ничего не понял, только видел, что огромное число людей все время курят траву. А однажды я зашел в

комнату, где Уивер пересчитывал пачки банкнот. Похоже, все было очень серьезно. Тогда я подумал: «Ну, я даже, наверное, и не хочу находиться в этой комнате – они же тут математикой занимаются», и пошел в другую комнату, где на куче брезента нашел горку марихуаны. Из-за этого Конни приходилось все время гулять со мной в каньоне. Я только и слышал «Не заходи в эту комнату! Не заходи в ту комнату! Эй вы, смотрите, чтобы никто не зашел!» В воздухе постоянно висело напряжение, мы ведь делали что-то такое, за что нас могли поймать. Это беспокоило меня, но, с другой стороны, мне было любопытно: «Хм, что там происходит? Откуда у вас, ребята, столько денег? И что здесь делают все эти девушки?»

Помню, тогда я постоянно волновался за отца. Однажды его друзья переезжали в другой дом, а вещи перевозили на грузовичке с открытым кузовом. И вот мой отец забрался на самый верх груды их барахла и устроился на каком-то матрасе. Грузовик тронулся, дорога пролегла через горы, и я все время выглядывал, как там отец балансирует на матрасе, приговаривая: «Пап, не свались».

«А, не волнуйся», - отвечал он, но я волновался. Это было самым началом моих смертельных переживаний, которые продолжатся очень долго, за жизнь отца.

Помню еще, мы много веселились. Отец, Конни, Уивер и Башара часто проводили время в «Коррал» - это маленький бар в середине Топанга-Каньона, где регулярно выступали Линда Ронстадт, Eagles и Нейл Янг. Я всегда был единственным ребенком в толпе зрителей. Они все были либо пьяны, либо под кайфом, а я просто танцевал.

Вернувшись в Мичиган, я обнаружил, что почти ничего не изменилось. Я отучился в первом классе, и это ничем мне не запомнилось. Мама работала секретаршей в юридической фирме целыми днями, поэтому, возвращаясь из школы, я сидел с няней. Но осенью 1969, когда мы переехали на Пэрис Стрит, моя жизнь резко изменилась к лучшему. Раньше мы жили в бедном районе города, застроенном хибарами и лачугами, а Пэрис Стрит казалась одной из картин Нормана Роквелла. Милые домики на одну семью были окружены ухоженными газонами и чистыми гаражами. К этому времени Скотт уже почти исчез из поля зрения, однако его присутствия до этого хватило, чтобы моя мама забеременела.

Неожиданно я заметил, что три девушки регулярно наблюдают за мной после школы. Я был еще слишком мал – мне было семь лет – чтобы испытывать к ним какие-либо чувства, кроме братских. Мне очень нравилось приводить время в их обществе: мы смотрели телевизор, плавали в бассейне и просто гуляли, изучая окрестности. Они открыли для меня Пластер Крик, местечко, которое стало мне настоящим убежищем на следующие пять лет, святилищем, защищенным от мира взрослых, где мы с друзьями могли скрыться в лесу, построить лодку и ловить раков и прыгать с мостов в воду. Так что переезд в этот район, где все казалось лучше, и где росли цветы, очень помог мне.

Мне даже нравилось учиться. Прежняя школа казалась темной, мрачной и ужасающей, а Бруксайд Элементарн располагалась в большом здании, рядом, недалеко от Пластер Крик, находились спортивные площадки. Я не мог одеваться в Джей-Си Пенни (*сеть универсальных магазинов, принадлежащая компании "Джей-Си Пенни" [J. C. Penney Co., Inc.]*), как мои одноклассники, потому что мама родила сестренку, Джули, и мы жили на пособие. Я ходил в поношенных вещах, которые доставались нам из различных благотворительных организаций. Еще от отца я получил футболку с надписью “Liverpool Rules”. Не было сильно заметно, что мы живем на пособие; только год спустя, когда мы были в бакалейном магазине: все расплачивались наличными, а мама вдруг достала талоны на еду.

Маму беспокоило то, что мы живем на пособие, а меня этот так называемый позор совсем не волновал. Живя только с матерью, в то время как мои друзья имели обоих родителей, я нисколько им не завидовал. Нам жилось хорошо, а с появлением Джули я стал чувствовать себя самым счастливым парнишкой на свете. Я все время защищал и охранял ее, пока пару лет спустя она не стала объектом моих экспериментов.

К третьему классу во мне развилось твердое противостояние администрации школы, потому что, если что-то шло не так, если что-то было сломано, если кто-то был избит, они сразу вызывали меня в учительскую. Скорее всего, я был виноват в 90% этих безобразий, но вскоре я так здорово научился врать, выдумывать и обманывать, что почти всегда выходил сухим из воды. Все чаще мне стали приходиться в голову бредовые идеи, вроде «а что если отцепить железные гимнастические кольца, которые висят рядом с качелями, использовать их как лассо и запустить в главный витраж здания школы?» Однажды ночью я со своим лучшим другом, Джо Уолтерсом, выбрались из дома и проделали этот трюк. А когда это увидела администрация школы, мы, словно лисы, улизнули в Пластер Крик. Нас так и не поймали. (Много, много лет спустя, я анонимно послал в Бруксайд деньги за причиненный ущерб.)

Мои проблемы с властями увеличивались по мере моего взросления. Я не выносил школьных директоров, а они не выносили меня. Учителя мне нравились вплоть до пятого класса. Все они были женщинами, добрыми и мягкими, и, я думаю, они видели мой потенциал к учебе. Но к пятому классу я возненавидел их.

К тому моменту в моей жизни не было ни одного человека мужского пола, кто бы смог контролировать мое антисоциальное поведение. (Как будто кто-то мог им управлять вообще!) Когда сестренке Джули было три месяца, полиция начала слежку за нашим домом – они искали Скотта, потому что он использовал украденные кредитные карточки. Однажды вечером они пришли к нам, и мама отправила меня к соседям, пока полицейские ее допрашивали. Пару недель спустя к нам в дом ворвался Скотт, он был в ярости. Он узнал, что кто-то позвонил маме и сказал, что он ей изменяет. Он бросился к телефону и вырвал его из стены.

Я стал следить за ним повсюду, потому что мама была напугана, а я совсем нет. Он заходил в мою комнату, чтобы воспользоваться телефоном, но я набрасывался на него. Не думаю, что мои попытки дать ему отпор имели успех, но я был готов драться с ним, используя все те приемы, которым он сам научил меня несколькими годами раньше. В конце концов мама послала меня за соседями, но уже было ясно, что Скотту в нашем доме больше не рады.

Годом позже он снова предпринял попытку возобновить отношения с моей матерью. Она полетела в Чикаго с маленькой Джули, но встретиться им так и не удалось – полиция поймала его раньше. У нее не было денег на обратный билет, но авиакомпания согласилась провезти ее бесплатно. Мы навестили его в тюрьме строгого режима, мне это показалось довольно волнующе, но и привело в некоторое замешательство. По дороге домой мама сказала: «Это первый и последний раз», и сразу же подала на развод. К счастью, она работала в юридической фирме, поэтому процедура развода ей ничего не стоила.

Тем временем восхищение, которое я питал к отцу, росло по экспоненте. Каждое лето я с нетерпением ждал тех двух недель, когда я полечу в Калифорнию. Он по-прежнему жил на втором этаже двухквартирного дома в Хилдэйле. По утрам я просыпался рано, а отец спал часов до двух дня, потому что веселился всю ночь напролет, поэтому мне приходилось искать себе развлечения на первую половину дня. Я ходил по квартире, разыскивая, что было почитать, и как-то наткнулся на большую стопку журналов “Penthouse” и “Playboy”. Я просто проглотил эти журналы. Даже прочитал статьи. У меня не было ощущения, что это «грязные» журналы, или что это что-то запретное, потому что отец бы не подошел и не сказал: «О господи, что ты делаешь?» Скорее он бы посмотрел и спросил: «Эта девочка чертовски сексуальна, да?» Он всегда старался обращаться со мной, как со взрослым человеком, и этому свободно говорил со мной о женских гениталиях и о том, что с ними нужно делать.

Спальня отца находилась в задней части дома, рядом росло дерево; помню, как он объяснял мне устройство своей системы раннего оповещения и план побега. Если вдруг за ним придут копы, я должен был задерживать их у парадной двери, пока он выпрыгнет в

окно, по дереву спустится на крышу гаража, переберется в соседний многоквартирный дом, а оттуда уже на улицу. Подобные речи меня пугали – мне было всего восемь. «А давай копы просто к нам не придут?» Но он сказал, что уже сидел за хранение марихуаны пару лет назад, и что копы бьют его хотя бы за то, что у него длинные волосы. Я от таких слов чуть в штаны не наложил. Мне совсем не хотелось, чтобы папу били. Все это еще более усилило мою ненависть к властям.

Хотя я сильно переживал за отца, поездки в Калифорнию были лучшим временем в моей жизни. Я ходил на концерты Deep Purple и Рода Стюарта. Мы смотрели фильмы Вуди Аллена и даже фильмы, которые были запрещены для показа лицам до 17 лет. А потом мы сидели дома и смотрели по телевизору сумасшедшие шоу, вроде “The Monkees” и “The Banana Splits Adventure Hour”, в котором люди были одеты в собак, ездили на маленьких машинках и искали приключений. Так и я смотрел на жизнь – психоделичную, веселую, яркую. Все было хорошо.

Время от времени отец приезжал к нам в Мичиган. Он появлялся неожиданно, с огромным количеством чемоданов, которые складывал в подвале. Бывая в Калифорнии, я узнал, что он участвовал в перевозках марихуаны, но по его виду, когда он был у нас, ни о чем и догадаться было нельзя. От его присутствия я был в эйфории. Он, как никто другой, отличался от остальных жителей всего Мичигана. Каждый человек в нашем квартале, каждый, с кем я сталкивался, носили короткие волосы и рубашки на пуговицах с короткими рукавами. Мой отец выходил на улицу в ботинках под змеиную кожу на шестидюймовой серебристой платформе, с нарисованной на них радугой, джинсах-клевш, отделанных вельветом, с массивным поясом, бирюзовых, в обтяжку, футболках, открывающих живот и обязательно с какой-нибудь надписью, и вельветовых рокерских куртках из Лондона. Начинающие редеть волосы спускались до талии, у него были густые усы, подкрученные вверх, и большие бакенбарды.

Мама не относилась к моему отцу, как к хорошему другу, но понимала, как много он для меня значил, и поэтому всячески поддерживала наше общение. Мы с ним сидели в моей комнате, а когда он уходил, приходила мама, и я писал отцу открытки с благодарностями за подарки, которые он привозил мне, и время, проведенное вместе.

К пятому классу во мне стал обнаруживаться актерский талант. Я собирал соседских детей, и мы устраивали представления в нашем подвале. Я ставил пластинку, обычно Partridge Family, в качестве инструментов мы использовали швабры и тазы. Я всегда был за Кейта Партриджа, мы делали вид, что пели, и танцевали, развлекая соседских детей, которые сами не хотели участвовать в представлениях.

Конечно я постоянно искал способ подзаработать денег, поэтому как-то раз, когда мы устраивали очередное представление в подвале одного из моих друзей, я решил, что надо бы брать с детей, которые хотят увидеть концерт Partridge Family, деньги, у кого что было – хоть дайм (10 центов), хоть никель (5 центов), хоть четвертак. Посреди гаража я повесил занавеску, а проигрыватель установил за ней и обратился к собравшимся зрителям: «Partridge Family очень стесняются, да и к тому же, они слишком известны, чтобы играть здесь, в Гранд Рапидс, поэтому играть они будут из-за занавески».

Я зашел за занавеску и сделал вид, будто разговариваю с музыкантами. Потом я включил проигрыватель. Дети были поражены: «Они что, правда там?»

«Ну конечно. Но им сейчас нужно быть в другом месте, поэтому вам пора расходиться», - сказал я. Благодарные зрители накидали мне целую пригоршню мелочи.

Учась в пятом классе, я придумал способ улучшить свои отношения с администрацией школы, которую так ненавидел, но это было необходимо, потому что они собирались исключить меня за то, что я проколол ухо. Однажды учитель спросил у класса: «Кто хочет быть президентом класса?»

Я поднял руку и сказал: «Я хочу». Но тут руку поднял еще один мальчишка. Я бросил на него испепеляющий взгляд, но он продолжал настаивать, что хочет быть президентом. Тогда после урока я вызвал его на разговор и сказал, что именно я буду

президентом, и что если он не согласится, ему не поздоровится. Так президентом стал я. Директор школы был в шоке. Я отвечал за все собрания, и когда в нашу школу приезжали особо важные гости, сопровождал их я.

Иногда моя власть основывалась на запугивании, я часто дрался, но у меня была и другая сторона. Бруксайд была экспериментальной школой, программа которой включала обучение слепых, глухих и отсталых детей вместе с нормальными. Как ни странно, все эти дети стали моими друзьями. Известно, какими злыми могут быть дети по отношению к тем, которые чем-то отличаются от них, поэтому инвалидам постоянно доставалось на переменах. Но я стал их самопровозглашенным защитником. Я приглядывал за слепой девочкой и глухим мальчиком, и если кто-то из придурков начинал приставать к ним, я подкрадывался сзади и бил его чем-нибудь по голове. Определенно, у меня уже тогда сформировались свои принципы, от которых я не отступал.

Учась в шестом классе, я стал приходить домой на ланч, и мои друзья приходили со мной. Мы играли в бутылочку, даже несмотря на то что у нас были свои подружки. Обычно мы целовались взад-вперед, а иногда определяли время, сколько должен длиться поцелуй. Я старался упросить свою подружку снять спортивный лифчик и дать мне потрогать ее грудь, но на уговоры она не поддавалась.

К концу шестого класса я решил, что мне пора жить с отцом. Мама не знала, что со мной делать, я совсем вышел из-под ее контроля. Она не разрешила мне переехать к отцу, я серьезно обиделся. После очередной ссоры она отправила меня в мою комнату, чтобы я остыл и подумал над своим поведением. А я вылез через окно на улицу – по-моему, даже не взяв ничего из вещей, - чтобы поехать в аэропорт, позвонить отцу и как-нибудь сесть на самолет до ЛА. (Прямых рейсов до ЛА не было, но тогда я этого не знал.) До аэропорта я так и не добрался. Мое путешествие закончилось в доме одной из знакомых моей матери, в нескольких милях от собственного дома. Та позвонила маме, и она забрала меня домой.

После этого случая мама поняла, что мне нужно давать больше свободы. Большое значение имело и появление в ее жизни человека по имени Стив Айдема. Когда Скотт Сэн-Джон отправился в тюрьму, мама поняла, что ее идея перевоспитания плохих парней не увенчалась успехом. Стив был юристом и занимался предоставлением адвокатских услуг бедным. Он был добровольцем в VISTA (*Volunteers in Service To America - Добровольцы на службе Америке*) на Виргинских островах. Он был честным, трудолюбивым и чутким человеком с золотым сердцем. Мама просто сходила по нему с ума. Как только я понял, что он хороший человек, и что они действительно любят друг друга, я начал сильнее настаивать на своем переезде в Калифорнию к отцу.